

С. Мусиенко

Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева

Литература есть часть целостной культурной системы и развивается в тесной связи с реальной жизнью социума как ее культурная форма.

В. А. Хорев

Научная деятельность профессора, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Александровича Хорева представляет более чем полувековую историю советской и российской полонистики. Наследие В. А. Хорева составляет около 500 опубликованных во многих странах мира трудов и охватывает не только весь литературный процесс Польши в его историко-временном проявлении, но и историю польско-русских литературных связей, влияний и взаимодействия от древности до начала XXI века. Исследования ученого отличаются фундаментальностью и глубиной мысли, изяществом изложения, новизной взглядов и оригинальностью подходов к явлениям литературы, культуры, языка и необычным проблемно-тематическим богатством материала.

В пределах статьи невозможно не только проанализировать, но даже перечислить все вопросы, проблемы, произведения польской и ряда других славянских литератур, которые рассматриваются в исследованиях В. А. Хорева. Поэтому я выбрала один из его фундаментальных трудов, опубликованных в XXI веке, — «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки»¹, где обобщены и представлены в концептуальной целостности научные поиски, отражены новаторство и оригинальность трактовок литературных явлений, теоретических положений, творчества польских и русских писателей, введенных в его исследовательскую орбиту. Подчеркну особо, что В. А. Хорев первым начал и успешно развивал новое для России (и не только) направление в литературоведении,

¹ Рассматриваются главы, в которых В. А. Хорев анализирует историю польско-русских отношений XI — XIX веков.

© Мусиенко С., 2014

названное им *имагологией* (от лат. *imago* — образ), а также разработал основные теоретические положения этой науки, в русле которых исследуется одна из важнейших и актуальнейших проблем: поляки и русские в восприятии друг друга. По данной проблеме под его руководством проведен ряд международных научных конференций, объединивших виднейших ученых разных стран, по материалам которых в России и Польше изданы серьезные публикации, вызвавшие живой интерес в научном мире.

Перспективность имагологической науки очевидна, об этом свидетельствует и рассматриваемая монография, скромно названная автором имагологическими очерками. Жанр очерка предполагает лишь постановку проблемы в ее основных, чаще видимых признаках. В исследовании же В. А. Хорева в новом освещении и интерпретации представлен богатейший материал, охватывающий огромный исторический период с XI до конца XX столетия русско-польских отношений, отражающих национальные типы характеров, сложнейшие перипетии государственной власти России и Польши. Автор сопоставляет в русле имагологического видения фольклор, литературу, философию, психологию, политику обеих стран и историю их отношений.

В книге названы сотни имен, проанализировано большое количество документальных источников и произведений литературы, многие из которых введены в литературоведческий, научный и публичный оборот впервые. Хорев использует три ракурса исследования проблемы: *объективный* — заключающийся в показе существенных признаков явления, события, человека и т. д.; *самохарактеристики* — отношения через «чужое» к «себе» и «своему»; *взгляд со стороны*, то есть «чужого» на «чужое». Это дало возможность автору представить трехсторонний подход к проблемам культуры: *объективный* (на основе документов и исторических фактов), *в самовыражении* (на основе документов и произведений литературы и искусства) и *в освещении* «другого», «чужого» взгляда на явление, то есть «со стороны», или имагологического. Если в первом случае исследователь использует фактические, фактографические и статистические данные, имеющие объективный характер (или приближающиеся к объективности) и по возможности лишённые оценочности, то в процессах, связанных с самохарактеристикой, активно «участвует» подход эмоциональный, часто с завышенными самооценками. Наиболее точно все это проявляется в произведениях литературы и искусства. Третий, имагологический анализ наиболее труден, поскольку эмоциональная оценка «чужого» или «другого» зависит от многих факторов и ими же определяется: документальные материалы, мемуары и художественная литература на тему «чужого», история взаимоотношений между странами, народами и даже отдельными людьми, социально-политический строй обоих государств, их географическое положение и т. д.

Имагологию можно назвать наукой об образной системе жизни и культуры «другого» или «чужого» (народа, группы людей, человека). Она требует от исследователя не только знаний особенностей жизни, истории и культуры обоих народов, которые попадают в орбиту интересов, но и чувства меры, такта и уважения к объектам внимания, тем более что в имагологическом подходе приходится обращаться как к явлениям, скажем, «нейтральным», так и эмоционально окрашенным, часто намеренно или ненамеренно деформированным.

Материал в книге расположен согласно историко-временной последовательности и охватывает огромный период с XVI до конца XX века. Отмечу, что ряд анализируемых источников относится еще к временам введения христианства на Руси (X — XI века). Концептуально весь богатейший материал подчинен имагологическому принципу, положенному в основу исследования: складыванию и эволюции устойчивых взаимных представлений русских и поляков на государственно-социальном и государственно-политическом уровнях и на уровне межличностных отношений.

Имагологический подход определил подбор материала, структуру, характер и особенности исследования. Все это дало возможность сосредоточить внимание читателя на проблеме изменений, происходивших в истории обеих стран и их народов, нового исторического опыта, который оказывал принципиальное влияние на взаимоотношения русских и поляков.

Масштабность задач, поставленных автором, оригинальность и новизна их свидетельствует о значимости труда, где впервые в литературоведении исследуются история и эволюция взаимоотношений России и Польши и устойчивых представлений друг о друге, причем не на фоне, а в русле развития культуры, политики, социального уклада обеих стран и быта их народов.

Историю имагологии поляков и русских В. А. Хорев рассматривает с момента становления этнических стереотипов (XVI век) до конца XX — начала XXI столетия и делит ее на три важных периода:

1) XVI — XVIII века — эпохи войн, исторической Смуты, стремления Польши захватить Московию;

2) XVIII век — участие России в трех разделах Польши и утрата последней государственности; второй период является особенно сложным — это время восстаний и обостренной идеологической борьбы поляков за независимость;

3) XX век связан прежде всего с двумя мировыми войнами и восставлением польского государства, сменой в нем социальных укладов, сложными отношениями ПНР и СССР, разрушением социалистического лагеря, падением Советского Союза и, наконец, вступлением Польши в НАТО и Евросоюз.

Не секрет, что история взаимоотношений России и Польши полна драматических событий, вызывавших на протяжении более 400 лет войны, вооруженные столкновения, претензии, острые дискуссии и приводящих вследствие обоснованных и необоснованных противоречий к формированию сторонами отрицательных национальных, этнических и политических образов и стереотипов.

Даже беглое перечисление событий, касающихся России и Польши, произошедших за столь длительный срок, говорит о трудности задач, поставленных автором исследования. Мало сказать о колоссальности знаний литературы и исторических документов, которыми обладает В. А. Хорев, автор сумел сохранить уважение к обоим народам, объективность оценок в трактовке даже самых драматичных событий, вызывавших взаимное недовольство, а порой и откровенную враждебность, и при этом сберечь достоинство российского ученого, который смог встать «над схваткой» (термин Р. Роллана), подняться над недовольными и неудовлетворенными с каждой стороны.

Исследуя столь длительный историко-литературный период (более 400 лет), одинаково болезненный для обеих стран и их народов, многократно ими деформируемый, В. А. Хорев прежде всего обратился к анализу причин сложностей и напряженных взаимоотношений России и Польши, берущих начало в период становления государственности и границ каждой из стран. Обозначая задачи исследования и подчеркивая имагологический подход к проблеме, В. А. Хорев дает, по сути, новое определение культуре:

Многие историки и вслед за ними и представители других гуманитарных наук полагают, что культура — это лишь своего рода зеркало, в котором для обозрения обществу представляются изменения исторической жизни. *Культура как форма общественного сознания — это, конечно, зеркало, в котором смотрится человеческий мир, и без такого зеркала не существовал бы и сам мир. Но история не сводится к событиям, ее органической частью является и их осмысление в сознании времени — в культуре, которая, в свою очередь, воздействует на ход и исход событий. Именно культура влияет на формирование национального сознания и тем самым является активным участником исторического процесса* [1, с. 6]².

В диалоге культур, считает автор, важнейшим компонентом оказываются литература, а вместе с ней «и народная культура, фольклор и разные виды искусства, и религиозная мысль, и письменность, и общественно-политические идеи, и историко-философские концепции» [1, с. 7]. Для понимания процесса развития отдельной национальной культуры нужно рассматривать ее составляющие в комплексе, как единое целое. Такой подход к культурному взаимодействию представляет имагология.

² Здесь и далее курсив мой. — С. М.

В. А. Хорев дает ей следующее определение: «Имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении. Она изучает образ другого народа» [1, с. 7]. Первостепенную роль в формировании образа «другого», «чужого» автор отводит литературе, но подчеркивает значимость и «других» текстов.

Важная составляющая имагологии — *стереотип*, но, как справедливо утверждает автор, имагология «не сводится к исследованию только стереотипов, которые являются "застывшим" образом, некой постоянной идеальной моделью, не существующей в реальном мире» [1, с. 8]. Стереотип как восприятие жизни и культуры «другого» или «чужого» давно интересует исследователей и литераторов. Не раз предпринимались попытки его классификаций. Наиболее полную, принадлежащую Адаму Шаффу, использует и В. А. Хорев, но «наполняет» ее имагологическим содержанием, доказывая, что понятие «стереотип» более ограниченное, мифологизированное, упрощенное, часто неточное, дающее деформированное представление о предмете в сравнении с его объективной сутью и существенными признаками. В. А. Хорев подчеркивает, что стереотипы выступают определенной формой генерализации отдельных явлений, они унифицируют понятия об этнических и общественных группах, институтах, культуре, личностях, событиях и обладают исключительной силой убеждения и инерции благодаря удобству и легкости их восприятия [1, с. 9].

Интересны рассуждения автора о бытовании стереотипов, которые, даже противореча реальности, рождаются и закрепляются «в определенных исторических, национальных, политических и экономических условиях» и тогда сами становятся «исторической реальностью, тиражируются, наследуются, приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от идеологических и политических потребностей другого времени» [1, с. 9].

В основе стереотипа может лежать как существенный, реальный признак рассматриваемого явления, так и признак, отрицающий его суть, намеренно или ненамеренно искажаемый его (стереотипа) создателем. Наиболее «живуч», несомненно, стереотип этнический, базирующийся, как считает автор, на «этноцентризме», позволяющем «рассматривать проявление культуры чужого народа сквозь призму своих собственных культурных традиций и ценностей» [1, с. 10]. Следовательно, мнение о «другом», «чужом» составляется на материале самоанализа или самохарактеристики, а это, в свою очередь, дает возможность противопоставлять себя (чаще с положительной стороны) другому — чужому (чаще со стороны отрицательной). Налицо здесь принцип, заимствуемый из Евангелия от

Матфея: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: "Дай, я выну сучок из глаза твоего", а вот, в твоём глазе бревно!» (Мф. 7:3—4). Библейская максима не только не утратила актуальности, но и стала одной из основополагающих в новейшей науке.

В. А. Хорев пишет:

Для отношений между двумя этническими группами, особенно соседними, всегда характерно противопоставление одного этноса другому, противопоставление «мы» — «они», перерастающее чаще всего в оппозицию «свои» — «чужие». Такое противопоставление берет начало в древности, еще «до становления ясно выраженного национального сознания», когда «происходило осознание отличия своей этнической группы от иной в плане обычаев, конфессий, общественного устройства, языка» [1, с. 10].

Ученый приходит к важному выводу о том, что при неизбежной конфронтации к «чужому» происходило постижение «своего». Отмечу, что противоречие «свой» — «чужой» проявляется на различных уровнях: от государственных, народных, социальных, профессиональных, политических и других объединений по какому-либо общему признаку до межличностных. И во всех случаях «продуктивным» материалом служит стереотип, чаще в эмоционально отрицательной окраске. Ощущение *себя* или *своей* принадлежности к подобному множеству помогает осознанию *своего* превосходства над «чужим», «другим», наделенным отрицательными качествами. Как правило, этот негатив культивируется, становясь «постоянно действующей нормой», передающейся «из поколения в поколение, закрепляясь в устных преданиях и обычаях, в исторических, публицистических и художественных текстах, в произведениях искусства и т. д.» [1, с. 11].

Остается добавить, что отрицательные качества «чужого» обычно гиперболизируются, поскольку с их помощью легче абстрагироваться от подобных черт «своих». Наука *имагология, таким образом, изучает не только противоречия в системе экзистенции «свой» — «чужой», но и показывает их связи, взаимодействие и взаимовлияние.* Проблемы формирования, бытования и разрушения стереотипов обосновываются факторами длительности исторических процессов, в которых ключевую роль играют господствующие идеологии этого общества. На основе изученного вопроса автор приходит к важному выводу о том, что с помощью *имагологии можно выявить «образы чужой жизни, складывающиеся в большом историческом времени в традицию, в инвариантные устойчивые структуры сознания, отражающие исторический опыт своей нации».* И они «не только обогащают знания о другом народе, но и... в первую очередь характеризуют собственную ментальность» [1, с. 12].

Итак, несмотря на «молодость», с помощью науки имагологии можно рассматривать проблемы глобального (общечеловеческого) характера,

межгосударственные и межнациональные, межэтнические и межсоциальные и даже межличностные. На всех уровнях решения имагологических задач участвуют два составляющих ее объекта — «свой» и «чужой» в свете противоречий, взаимодействия и взаимопознания их жизни, культуры, языка, обычаев и др.

Можно говорить о том, что потребность в осмыслении по-новому межчеловеческих связей назрела давно, но научное обоснование и теоретические положения охватывающей их науки *имагологии* были не только сформулированы, причем лишь в начале XXI века, но и практически применены в анализе более чем 400-летней истории взаимоотношений России и Польши В. А. Хоревым, представившим взгляд «русского полониста» на эту сложную, часто драматичную проблему.

Применяя имагологию в аспекте «Польша — Россия», Хорев отвечает на два основополагающих вопроса: первый — какими были взаимоотношения двух стран и их народов в течение большого и значимого исторического периода, — от момента создания Польши и России как государственных структур до начала XXI века. Второй вопрос имеет не только историческое, но и психологическое значение: почему между соседствующими *славянскими* государствами формировались противоречивые, чаще враждебные отношения, распространившиеся и распространяющиеся по сей день на всех уровнях жизни, вплоть до межличностных.

В книге «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» отражены два аспекта проблемы польско-русских связей, а точнее, два типа ее оценок в историко-временном разрезе: нейтральные (стремление к показу объективной истины) и эмоционально окрашенные (приведены примеры многочисленных материалов, в которых содержится не только острая, но часто необоснованная критика, а порой и откровенные пасквилы; положительных отзывов гораздо меньше).

Не секрет, что за 400 лет истории польско-русских отношений в обеих странах собраны огромные арсеналы источников из различных областей жизни — от фольклора до секретных материалов, содержащих политические тайны. И многие архивы не открыты до настоящего времени. Все обилие, многообразие и разнородность материала книги строго подчинены единству концепции, выраженной авторской позицией: *объективно* показать противоречивость польско-русских отношений в свете новой науки имагологии, позволившей, в свою очередь, дать им справедливую оценку в историческом прошлом и современности. Сложность таких отношений В. А. Хорев подтверждает высказыванием поэта Чеслава Милоша: «Поляки и русские друг друга не любят. Точнее, они испытывают разные неприязненные чувства, от обиды и презрения до ненависти, что не исключает, однако, непонятной взаимной тяги, всегда окрашенной недоверием» (цит. по: [1, с. 13]). Комментарий автора исследо-

вания включает не только объективность оценок всей истории польско-русских связей, но и подчеркивает их обоюдную значимость:

Нет нужды делать вид, что не было взаимной неприязни и проявлений враждебности. Вместе с тем наша общая история отмечена взаимным интересом друг к другу, обменом культурными ценностями, а во многих случаях искренней увлеченностью... Взаимодействие наших народов и культур проходило... в зоне повышенного напряжения, потому сегодня это крайне привлекательное поле для исторических и культурных исследований... [поскольку они] могут способствовать более глубокому взаимопониманию, а тем самым преодолению устоявшихся схем, взаимных претензий, негативных стереотипов [1, с. 13—14].

В контактах с соседним народом играют роль не только культура, политика, социальное устройство стран, но и их географическое положение и административные границы, хотя они и являются наиболее подвижной и изменяющейся составляющей исторических процессов. Польша в данном плане весьма выразительный пример. Находясь в самом центре Европы, она стала своеобразным форпостом между Востоком и Западом и «переносчиком» культур и традиций в оба направления.

Не случайно Ю. Словацкий назвал ее «павлином народов», переносящим традиции с Запада на Восток и с Востока на Запад. Оказавшись «между мирами», Польша с момента государственного становления была «лакомым куском» для более сильных стран, особенно территориально ограниченной и воинственной Пруссии, совершавшей на нее постоянные набеги. С Востока за Неманом находилась Московия — государство восстанавливавшееся, но еще не окрепшее после 270 лет татаро-монгольской неволи. Естественно, захватнические войны в XVI — XVII веках Польша вела с восточным соседом. Правда, В. А. Хорев нашел новые факты о противостоянии Польши и России, которые относятся еще к XI — XII векам («Повесть временных лет») и были связаны с разделом христианства на православие и католичество, когда русские и поляки оказались в разных конфессиях. Недаром еще в древности католик ассоциировался с ляхом, а лях — с бесом. Анализируя причины противостояния Польши и России «вдоль времени», автор исследует и процесс становления и появления с обеих сторон первых отрицательных стереотипов: «Kusy czy rogaty, Szwab czy Moskal, diabła wart» (Польша), «Лях умирает, а ногами дрыгает» (Россия) [1, с. 17—18].

Одним из важных компонентов стереотипа В. А. Хорев считает язык, определивший бытующий по сей день оттенок пренебрежительности в указании национальности — лях и москаль, в которых проявилось название государств Польши (Лехия) и России (Московия). Однако наряду с пренебрежительным обозначением в древнем фольклоре восточных и западных славян существовала легенда о русе, ляхе и чехе, в которой все

три народности были показаны свободолобивыми, исполненными достоинства. Согласно Хореву, «родственный язык нередко воспринимается как порча собственного языка». Поэтому в памятниках польской культуры бытовала мысль о приоритете родного языка. Он противопоставлялся «чужой речи». Ученый связывает «языковое противопоставление и языковое самоутверждение» с географическим положением Польши «между лютеранской Пруссией, православной Москвой и магометанской Турцией» [1, с. 21—22]. Отмечу, что географический фактор названных стран в древности перешел в фольклор и сохранился в речи польских крестьян в XX веке: «Włoch to chrześcijanin, a Turek — to niedowiarek» [2, s. 114].

В становлении отрицательного стереотипа Польши, по мнению Хорева, «участвовали» и страны Западной Европы. «Польша, — пишет автор, — всегда самоидентифицировалась с Европой, только вот Запад относился к ней в лучшем случае как к бедной родственнице. Пренебрежительное отношение западных европейцев к Польше уходит в глубь веков». В пример автор приводит фрагмент стихотворения Филиппа Депорта, придворного поэта Генриха Валуа (XVI век) «Прощание с Польшей»:

Курные избы с крышей из соломы,
Внутри которых люди и скоты
Нашли приют — одна семья большая (цит. по: [1, с. 32]).

Подобная зарисовка могла быть характерной и для других славянских народов, причем не только того времени. Достаточно вспомнить описания русского быта А. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», И. Тургеневым в «Записках охотника», в поэзии Н. Некрасова и др. Правда, их творчество отличается болью и сочувствием к страданиям, порожденным социальной несправедливостью. В упомянутом стихотворении Депорта налицо неприязнь и презрение к национальным чертам поляка.

О варварский народ, пустой, кичливый,
Высокомерный, ветреный, болтливый,
Лишь на словах ты проявляешь прыть,
Но завершаешь только храпом пьяным
Свое единоборство со стаканом.
А Марсом хочешь между тем прослыть! (цит. по: [1, с. 33]).

Подобными чертами польские деятели культуры наделяли и русских. В. А. Хорев приводит выразительные примеры творчества С. Ф. Клоновца («Роксолания»), Я. Кохановского («Набег на Москву») и многих других, показавших Московию как дикий край, в котором живет «враждебный народ» — «жестокий язычник».

Итак, в эпохах далекого прошлого (XVI — XVIII века) главное противостояние русских и поляков проявлялось под прикрытием *конфессиональной* разницы. В действительности же решались проблемы прежде всего

военно-политические, причем войны велись с переменным успехом и для России, и для Польши. Это порождало образ врага — соседа, который в качестве отрицательного персонажа «насыщал» памятники культуры и искусства, летописи и документы. Если до конца XVIII века у России были историко-политические основания для претензий к Польше (походы Стефана Батория, воцарение на московском престоле ставленника Польши Дмитрия Самозванца), то с конца XVIII века в роли узурпатора выступает Россия (участие ее в трех разделах Польши и жестокое подавление восстаний 1795, 1830—1831 и 1863 годов). Все это усугубило взаимную враждебность и добавило отрицательные характеристики в стереотипы русских и поляков. Если утрата Польшей самостоятельности воспринималась ее народом как настоящая трагедия, то мнения на данное событие в России разделились. Представители культуры и политические деятели, поддерживавшие официальную власть, выражали восхищение «мощью России» и героизмом Суворова, жестоко подавившего восстание Костюшко.

В. А. Хорев воспроизводит нравственную обстановку в среде русской интеллектуальной элиты: в литературе даже начала XX века одной из популярных была тема Смутного времени и своеобразного отклика на него — героические подвиги русского войска в период разделов Польши и подавления восстания Костюшко. В большинстве источников XVII—XIX веков подчеркивается правота российской императрицы, воспеваются геройство ее солдат:

«"Карай", — рекла императрица» (Дмитриев о подавлении восстания Костюшко);

«Брать крепки грады россам мало —

Рекла — и царства вдруг не стало» (Дмитриев о разделах Польши).

Позволю себе высказать предположение, что среди русской интеллигенции, особенно среди сторонников рождавшегося славянофильства, было бы больше сочувствующих Польше, если бы не война 1812 года и участие в ней на стороне Наполеона единственных представителей славянства — поляков. В Польше сложился культ Наполеона как освободителя, воспетого Адамом Мицкевичем. Историческое обоснование его культа дал польский историк Аскенази в труде «Napoleon a Polska». В. А. Хорев приводит десятки примеров забытых авторов, когда-то оправдывавших разделы Польши, но подчеркивает мысль о том, что на общественное мнение в России серьезное влияние оказали оценки Пушкина, не принявшего восстания 1830 года. В. А. Хорев называет этот факт «ключевым моментом в упрочении негативного стереотипа поляка в русской поэзии», но отмечает, что «интерпретация Пушкина до сих пор вызывает споры» [1, с. 57]. Истоки противоречий между русскими и поляками поэт видел в далеком прошлом («старый спор, уж взвешенный судьбою») и современности («...ненавидите вы нас... за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали

наглой воли / Того, под кем дрожали вы?»). Не случайно В. А. Хорев говорит и об авторитете Пушкина в формировании отрицательного отношения к полякам, и распространении полярных настроений в русском обществе — в защиту Польши (поэты-декабристы, Герцен).

Уместно подчеркнуть специфику задач, поставленных исследователем:

Обращаясь... к уже известным фактам, откликам русских писателей на восстание, ставлю своей задачей не пополнить их перечень, а попытку показать их роль в упрочении долгоживущего общественно-исторического мифа, который по своим законам генерализирует и унифицирует явления и обладает большой силой убеждения [1, с. 42].

На примере важного для обоих народов события — восстания 1830 года, которое изначально не могло вызвать одинаковых откликов, ученый показал, как складывался у россиян негативный стереотип поляка «в массовом, обыденном, обывательском сознании, существующем по своим, лежащим уже в плоскости психологии законам». Положительные оценки восстания, присутствовавшие в русском обществе, не повлияли на изменение «стереотипа, овладевшего массовым сознанием». Причину В. А. Хорев видит в том, что созданные русской литературой образы поляков превратились в устойчивую инвариантную структуру. Они отразили не исторический опыт Польши, а «продемонстрировали собственную этническую ментальность», основанную на «имперской идеологии» и «сакрализации государства», что связано с «исторически сложившейся особой ролью государственного аппарата России, который всегда подавлял свободололюбивые стремления и права народов и отдельных личностей во имя целостности и величия державы» [1, с. 59].

Свойственная русскому национальному сознанию идея державности воплотилась даже в произведениях авторов, осуждавших самодержавие. Убедительный тому пример — творчество Пушкина, Чаадаева, Лермонтова. В стихотворении «Наше» Лермонтов располагает рядом, казалось бы, несовместимое: «Величья нашего зряя» и «образ русского царя». Россия и царь противопоставлены друг другу, но с помощью этих несовместимых явлений поэт выражает возмущение Польшей, которая не понимает значимости России.

Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя [1, с. 56].

Оппозиция «мы» — «они» в определенной мере помешала начавшейся горячей дружбе Мицкевича и Пушкина. В исследовании В. А. Хорева глава об этих двух гениях приобретает особую значимость. Их сближало творчество. «Два юноши стояли рядом», — о себе и Пушкине сказал Мицкевич. «Делились мы и чашей, и мечтами, и песнями», — читаем у Пушкина. В их поэзии «мы» — «они» не противопоставлены друг другу.

В. А. Хорев приводит интересные, неизвестные ранее факты, документы о пребывании Мицкевича в России, о настроениях накануне восстания декабристов, дает новую имагологическую трактовку произведений поэтов, дружба которых разрывается политическими противоречиями: «...были мы друзья, хоть наши племена и враждовали», — писал Пушкин. «Так две скалы, разделены стремниной, / Встречаются под небом голубым», — видим у Мицкевича.

Заметим, что ни Пушкин, ни Мицкевич не отмечает превосходство своей поэзии. Она — сфера творческого сотрудничества, и поэты говорят «как с братом брат». Для Мицкевича Пушкин — это «русский гений», для Пушкина — «Мицкевич вдохновенный». Противостояние автор переводит в сферу политики, где каждый из поэтов представляет современную им реальность. Мицкевич видит Россию и русский характер, деформированный самодержавием, в образах «героизма неволи», «водопада тирании», «венчанного кнутодержца». У Пушкина Польша — это «больной, расслабленный колосс», поляки «грозны на словах», «озлобленные сыны». Пушкин нарисовал сложный психологический «портрет польского поэта», который «жгучим ядом» в «угоду черни буйной» пропитал свои стихи. Популярность Пушкина и влияние его творчества поспособствовали формированию если не канона, то негативного стереотипа Польши и польского характера. Еще дальше продвинулся Мицкевич. В данном случае следует согласиться с В. А. Хоревым, отметившим, что Мицкевич создал «канон образа России», а «польский романтизм перенял, дополнил и "романтизировал" существовавший ранее в польской культуре негативный образ России» [1, с. 73, 76]. Более того, появилась мысль о том, что ненависть к России для поляка стала чуть ли не гражданским долгом. «...Не любить вас свято и прекрасно!» — писал Зыгмунт Красиньский. Популяризации этой мысли, ставшей афоризмом, способствовали социально-исторические условия. Короткий период «оттепели», связанной с воцарением Александра II, сменился жестокой реакцией. Исследователь приводит многочисленные документы и произведения русских авторов, занимавшихся откровенной травлей поляков. Царские власти вмешивались даже в дела католической церкви. Ксендзы должны были проводить службу на русском языке, на нем же издавалась религиозная (католическая) литература, вплоть до молитвенников. Насколько серьезными являлись антипольские настроения после 1863 года, свидетельствуют не только представленные в исследовании материалы и художественная литература, в которых Польша обвинялась в измене и называлась «Иудой славянства» (Н. Данилевский). Н. Страхов считал развитие Польши болезненным. Возглавивший травлю М. Катков призывал общество к кровавой расправе с польскими повстанцами. Отмечу, что в отличие от восстания 1830 года, имевшего характер социально ограниченный, восстание

1863 года было более массовым: помимо представителей дворянства в нем участвовало польское и белорусское крестьянство, а также обедневшая провинциальная шляхта. Естественно, русский царизм был заинтересован в распространении протестных настроений, чему содействовали набравшие силу славянофилы. Видимо, голос западников оказывался менее слышен. Автор приводит в пример мнение А. Герцена, выразившего удивление в связи с неслыханным в истории явлением:

Дворянство, аристократия, купечество — словом, все цивилизованное общество империи с шестидесятимиллионным населением, без различия национальности и пола, стало превозносить самые жестокие экзекуции, посылать хвалебные телеграммы, поздравительные адреса, иконы ужасным людям, которые не вышли на честный бой, а занялись умиротворением посредством виселиц [1, с. 79].

«Антипольскость, — отмечает В. А. Хорев, — стала официальным лозунгом, и мало кто отважился даже намеком оправдывать сражавшихся поляков» [1, с. 79]. Остается лишь добавить, что пропаганда словом сопровождалась репрессиями по отношению к повстанцам и сочувствовавшим, ссылками и конфискацией имений и угодий.

Естественное следствие антипольской кампании — усиление антирусских настроений среди поляков, распространявшееся в фольклоре и литературе, тем более что виднейшие и авторитетнейшие деятели польской культуры были или непосредственными участниками восстания, или как-то были связаны с ним, в том числе и писатели, определявшие развитие польской литературы: Э. Ожешко, Г. Сенкевич, Б. Прус. «Польский вопрос» стал одной из причин разделения русской интеллектуальной элиты: славянофилы осуждали восстание 1863 года, приветствовали его кровавое подавление. Более того, М. Катков «возглавил травлю Польши». Западники решали польский вопрос в связи с проблемой принадлежности русской культуры к европейской цивилизации. И для многих из них Польша была «форпостом западной веры в славянском мире». Автор исследования приводит две точки зрения на ситуацию в Польше, представляющие суть противоречий русского общества:

...в основе отношения славянофилов к Западу, в том числе и Польше, лежит своеобразный комплекс самоощущения — комплекс неполноценности, поскольку мерилom русской жизни для них была главным образом западная Европа и та же Польша. В отличие от славянофилов многим западникам Европа представлялась идеальным пространством, откуда до России доходил свет истины [1, с. 83].

В. А. Хорев предлагает в пример интереснейший документ — воспоминания М. Е. Салтыкова-Щедрина, сумевшего увидеть не только противоречия в обществе, но и показать, что для русской культуры одинаково

опасны и реакционный панславизм, и слепое преклонение перед Западом. Со свойственным ему сарказмом русский сатирик отметил, что еще в 1840-е годы «русская литература поделилась на два лагеря: западников и славянофилов. Был еще и третий лагерь, в котором копошились Булгарины, Бранты, Кукольники... он являл себя прикосновением к *ведомству управы благочиния*» (курсив мой. — С. М.). Влияние западной культуры Щедрин считал благотворным, раболепие перед ним — пагубным. Там, где «горел светоч, "ливший свет человечеству"... сидят ожиревшие менялы и курлыкают» (цит. по: [1, с. 122]).

В формировании общественного мнения играют серьезную роль наряду с художественными произведениями мемуары и документы. В. А. Хорев обращается к анализу книги Владимира Михневича «Варшава и варшавяне. Наблюдения и заметки» (1881) и Владимира Дедлова «Вокруг России» (1895). Михневич определил себя человеком, вставшим над противоречивыми сторонами: «Я не полонофил и не панславист»; правда, он проявил себя как государственник, веривший в «общерусское отечество» — от Урала до Карпат, в котором Польша, хоть и занимает скромное место, но изучена автором довольно глубоко. Михневич устремляет внимание не только на социально-политические факторы, но и на религиозность, особенности быта, тип характера поляка, своеобразие и красоту полек. На основе изученного он приходит к выводу, что поляку свойственен патриотизм, он одновременно и романтик-мечтатель, и консерватор. В. А. Хорев считает, что показ вражды и взаимонепонимания между народами — это главная идея книги Михневича, но так как, по мнению последнего, «русские гораздо искреннее и сердечнее в добрых чувствах к полякам», эту вражду можно ликвидировать с помощью льгот и уступок «побежденным» (то есть полякам), если они будут искренними.

Владимир Дедлов свое отношение к Польше выражает с позиций националистических. Для него Польша — это мираж социальный, государственный, политический, сколок Европы, не имеющий ничего своего ни в жизни, ни в искусстве. Поляки — нация слабонервная, болезненная, вырождающаяся, с засильем инородцев, особенно евреев. Противоречие «мы» — «они» решается, естественно, в пользу России. Красноречивую фразу автора книги приводит В. А. Хорев: «Польша такая же мастерица утрачивать, как Россия приобретать. Это исторические стрекоза и муравей». Более того, Варшава, по утверждению Дедлова, начала процветать «только при русском владычестве», полякам «кусочек земли» и «кусочек хлеба даны Россией» [1, с. 100]. Дедлов анализирует жизнь всех польских сословий, даже рассматривает характер женщины-польки, но видит страну и людей только в свете негатива, озлобленности, предательства как национальной черты.

В книгах, написанных авторами в русле различных политических убеждений, по сути, содержатся одинаковые выводы: Россия — священ-

ное государство, и поляки должны ей быть благодарны, поскольку все, что делает для Польши Российская империя, благостно. Документы, извлеченные В. А. Хоревым из пепла забвения, помогают понять природу сложности взаимоотношений между Россией и Польшей.

Объективный взгляд на историю польско-русских связей свидетельствует о нарастании напряженности и разрастании сферы негатива. Нет сомнения в том, что разгром восстания 1863 года привел к усилению исторической обиды и осознанию национальных и социальных потерь. В русском же обществе пропагандировалась ненависть к «польской интриге». В. А. Хорев называет это «сведением исторических счетов», поэтому в русском обществе, как сообщала пресса, выражались, приветствовались и поддерживались исторические претензии и оправдывалась жестокость подавления восстания. Однако среди русской интеллигенции сильны были и противоположные настроения. Обратим внимание на ранее неизвестный документ, отмеченный исследователем, — фрагмент статьи из журнала «Вестник Европы»: «... поляк виноват тем, что не может забыть своего прошлого, но это та самая черта, которую у самих себя мы сочли бы высокой национальной добродетелью» [1, с. 103]. Автор статьи Александр Пыпин сделал оригинальную попытку: он перенес позиции, по которым обвинялись поляки, на русскую почву (патриотизм, религиозность, стремление к независимости) и доказал, что для русского человека они были бы несомненной добродетелью. В какой-то мере статью Пыпина и можно считать первым опытом имагологического исследования.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

— В. А. Хорев в свете положений новой для литератур славянского ареала науки имагологии анализирует сложный процесс взаимоотношений русских и поляков;

— в книге «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» впервые используются архивные и исторические источники и тексты художественной литературы, помогающие раскрыть социально-политические, нравственно-этические причины взаимных претензий двух славянских государств — России и Польши.

Список литературы

1. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.
2. Nałkowska Z. Dom nad łąkami. Warszawa, 1978.

